

**В РУССКОМ КОСМО-ПСИХО-ЛОГОСЕ А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА:
ДРЕВЕСНЫЙ КОД ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА
«СЕЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И КАРТИНКИ»**

© 2021 М.А. Дударева¹, С.М. Морозова²

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка № 2*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Морозова Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков*

E-mail: morozovasm@mgri.ru

¹Российский университет дружбы народов

²Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 09.09.2021

Объектом статьи выступает древесный код в русской словесной культуре. *Предметом* является символический смысл ракиты, ветлы в русском фольклоре и литературе. *Материалом* для статьи явилось поэтическое творчество А. М. Жемчужникова, которому в этом году исполняется 200 лет со дня рождения. Герменевтической реконструкции подаются этосы жизни и смерти в лирике поэта. Большое внимание уделяется поэтическому циклу «Сельские впечатления и картинки», в котором подробно анализируется система дендронимов, а именно образ ракиты, ракитовой аллеи. *Методология* исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу, направленному на высвечивание апофатической парадигмы данного художественного текста. Проводятся параллели с русским фольклором, колыбельной песней, детскими играми. *Результаты* заключаются в выявлении культурного потенциала дендронимов, в частности ракиты, ветлы, ивы, обладающих иномирной семантикой, выступающих как средства передачи инициатических трансмиссий в словесной культуре. Результаты работы также могут быть использованы в преподавании курсов по русской культуре, поэзии XIX века и философии.

Ключевые слова: традиционная культура, древесный код, песня, онтология, творчество А. Жемчужникова, смерть, национальный образ мира, Г.Д. Гачев

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-27-32

Введение. У каждого национального образа мира, или Космо-Психо-Логоса, выражаясь языком известного культуролога Г.Д. Гачева, есть свои константы, «априори», образующие национальную топику. Так, для ученого важны природные реалии, которые организуют Космос и обуславливают Логос, и среди них — дерево (Ось Мира). Г.Д. Гачев пишет: «...в России, Польше, Германии превалирует растительная символика: лес, дерево, трава, лист, цвет, зерно» [3, с. 21]. Через эти константы мы можем составить представление о национальном образе мира. На особую связь между человеком и деревом в русском Космо-Психо-Логосе давно указали наши поэты. Так, С.А. Есенин в философском трактате «Ключи Марии» (1918) пишет о происхождении музыки, орнамента, вышивки и даже самого человека от дерева (Мирового Древа): «На происхождение человека от древа указывает и наша былина «о хоробром Егории»... Мысль об этом происхождении от древа породила вместе с музыкой и мифический эпос» [с. 189-190]. Современные исследователи приходят к мысли о культурфилософской значимости дендронимов, поскольку те «обладают культурным потенциалом, то есть передают информацию о взаимоотношениях человека и природы, мировоззрении народа, нравственно-духовных традициях, выражают опыт этноса...» [1, с. 69]. В русской поэзии начала XX века, по наблюдению А.А. Исаковой, денд-

ронимы обладают «не только поверхностным, внешним, но и внутренним, символическим измерением» [8, с. 3]. Однако таким символическим сакральным смыслом древесные сущности (понятие из диссертации А.А. Исаковой) наполняются и в поэзии XIX века. Обратимся к творчеству А.М. Жемчужникова, которому в этом году исполняется 200 лет со дня рождения.

Материалы и методы. Прародитель Козьмы Пруткина, автор стихотворения о журавлях, из которого выросла известная лагерная песня об отчем крае («Здесь под небом чужим я как гость нежеланный...»), Алексей Михайлович Жемчужников прошел необычный путь в литературе — о его нежных, полных лиризма, любви к родной природе стихах, философских раздумьях о жизни современник им критик и читатель в полном объеме узнает довольно поздно, поскольку только под конец жизни сам поэт по настоятельной просьбе дочерей издает свои стихотворения (двухтомник «Стихотворения», 1892).

История вопроса. Статей и диссертаций о лирике поэта тоже не очень много, хотя, по мнению исследователей, именно лирическое творчество Жемчужникова явилось «важным фактом русской поэзии второй половины XIX в., в котором проявились традиции Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Е.А. Боратынского, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Фета» [10, с. 3]. Однако Жемчужников не только созерцатель, лю-

бующийся родной природой, наслаждающийся сельской жизнью, каким нередко его представляют нам исследователи, анализируя известный цикл «Сельские впечатления и картинки» (в двух сериях), но и мыслитель, онтологически показывающий глубокое переживание смены настроений, сезонов природы, дня и ночи, света и тьмы.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмом тихих ангелов хранимый!
Только что простившись с жизнью городской,
Я один остался, окружен тобою,
И уж груз душевный — страхи и тревоги —
Побросал за окна вдоль моей дороги. [7, с. 150]

Мы видим полную отрешенность от городской суеты и единение с космосом природы:

Грезы роем легким вьются надо мною,
Словно опьянен я брагою хмельною.
Вот и сумрак сходит, в воздухе прохлада...
Ни о чем не мыслю, ничего не надо. [7, с. 151]

Интересно, как заканчивается это стихотворение, — последняя строчка его весьма апофатична: происходит временный отказ от мирского, даже мысль не тревожит героя (некое состояние исихазма, *безвидного*

Обратимся с онтогерменевтических позиций к поэтическому циклу, состоящему из десяти зарисовок, уделяя предельное внимание образу «пути — дороги» и образу ракиты. В первом стихотворении «В вагоне за Москвою» лирический герой уезжает из Москвы, наслаждаясь видом из окна:

ума), только молится он на природу, растворяясь в ней. Но дорога не так проста и однозначна, и интонации меняются во втором стихотворении цикла «Ракиты на большой дороге»:

Нет, сердце, значит, не остыло,
Не загубел с годами вкус!
На то, что прежде было мило,
Я и теперь не нагляжусь. [7, с. 151]

Волнуется сердце, которое *что-то* вспоминает, воскрешает давно забытые думы. Но отчего оно волнуется?

Меня пленяет особливо
Своеобразный этот вид
Дороги грустно молчаливой
С ее аллеями раки.
Я их разгадываю думу,
Когда под тенью их иду;
И с ними сам, в ответ их шуму,
Беседы долгие веду. [7, с. 151]

Здесь стоит обратиться к семантике ракиты в славянском космосе. Все мы помним колыбельную о сером волчке, в которой конец такой: утащит волчок под *ракиновый кусток*. Конечно, эта колыбельная напоминает нам о смерти — ребенок только что пришел в этот мир из *того*, он еще пограничное существо, не вполне укоренившееся в нашем мире, и связан с «тем светом» (неслучайно в игровом детском фольклоре лейтмотивом проходит тема смерти, см. игры в покойника).

Кроме того, мотив укачивания ребенка связан с устойчивыми образами и формулами: край, кусток, лесок, волк [4]. А ракета — дерево границы, обладающее иномирной семантикой, как, кстати, и родственные ей ветла и верба (они связаны, как показывают исследования фольклористов, с формулами *невозможного* [2, с. 291]). И у Жемчужникова ракета сопровождает дорогу героя, которая постепенно превращается в *путь*, напоминая ему о минувшем, о важном:

Я их разгадываю думу,
Когда под тенью их иду;
И с ними сам, в ответ их шуму,
Беседы долгие веду.
Они, ветвисты и могучи,
Про старину мне говорят;

Про вихри, грозовые тучи,
Снега, метель, мороз трескучий
И дней счастливых длинный ряд. [7, с. 151]

Древесные думы — характерное эпитетосочетание для русского Космо-Психо-Логоса (наша натура, наши традиции и обряды, в которых часто задействовано дерево, наша поэзия). Все от дерева, музыка и орнамент, — напишет Есенин в 1918 году в трактате «Ключи Марии». Наша музыка народная с ее трагедией и посылом в смерть — тоже от дерева, от тростиночки, срезанной пастухом: «Происхождение музыки от дерева в наших мистериях есть самый прекраснейший ключ в наших руках от дверей закрытого храма мудрости. Без всякого Иовулла и Вейнемейнена наш народ через простой лик безымянного пастуха открыл две скрытых

силы воздуха вместе. Этот пастух только и сделал, что срезал на могиле тростинку, и уже не он, а она сама поведала миру через него свою волшебную тайну: “Играй, играй, пастушок. Вылей звуками мою злую грусть. Не простую дудочку ты в руках держишь”» [6, с. 190]. Но Жемчужников как бы предвосхищает эти теоретические фольклорные открытия Есенина. Лирический герой «Сельских впечатлений и картинок» учится у природы, ракиты ему преподносят урок жизни:

Но вот сухие две ракиты
Лежат в изнеможеньи сил...
Не бурей злой они убиты, —
Злой человек их погубил.
Они сломились и ветвями,
Как будто крепкими руками,
Упав, о землю оперлись;
И, распростившись с небесами,
С тех пор печально смотрят вниз.
Но смерть ракиты вековые
Со света выжить не могла:
Пошли побегу молодые
От расщепленного ствола. [7, с. 152]

Ракиты напоминают своим видом о вечной поруче жизни и смерти в природе, где последняя лишь этап, хоть и горестный, но не предел:

О, как пред смертью бессильный,
Я за мои ракиты рад!
И мнится мне: глядя умильно,
И эти также говорят;
Мне говорят, являя обе
Дупло, прожженное внутри:
«Наперекор жестокой злобе,
Мы все живем еще, смотри!»
Бедняги! На меня похожи.
Им лучше медленно хиреть,
Лишь только б свет им видеть божий,
Лишь бы попозже умереть. [7, с. 152]

Но и тут путь лирического героя не заканчивается, он продолжает путешествие по большой дороге в третьем стихотворении цикла:

Иду давно — и пред глазами
Дороги тот же все простор;
Все тот же, с пестрыми цветами,
Зеленый стелется ковер. [7, с. 152]

Однако не отвлекает внешняя красота от дум сердца и созерцания:

И тишина зато какая!
Как будто с тем проложена

Была дорога, чтоб немая
Здесь воцарилась тишина. [7, с. 153]

Тишина, отсутствие человека также превращают дорогу в путь, но любой инициационный путь не обходится без испытаний. В четвертом стихотворении цикла герой отдыхает перед бурей, перед наступле-

нием темноты, в пятом — его пробуждает и предостерегает появление бездомной собаки (собака связана, с одной стороны, с домом, с другой, с иномиром, она отвечает волку [5, с. 176]), в шестом — его застигает темень, которая оборачивается Тьмой:

Под безлунным небом, тучами покрытым,
По межам заросшим, колеям изрытым
Еду, но не вижу: полем иль оврагом,
С бубенцами тройкой в тарантасе шагом. [7, с. 155]

Лиминальное положение героя, которое задается его незнанием того, где он пребывает, усугубляется отсутствием светила над головой, Света, и он погружается в тотальную Тьму:

Черная дорога; воронные кони;
Все предметы черны; все на черном фоне.
Только видны пятна — да и тех немного —
При дороге самой иль копен, иль стога;
Да порой, взобравшись на бугор открытый,
Встретишь очертанье сироты-ракиты... [7, с. 155]

Однако Тьма (тут же и тень) апофатична, поскольку в ней зарождается свет. По мысли немецкого философа М. Хайдеггера, «обывательское мнение видит в тени только нехватку света... тень есть явное, хотя и непроницаемое свидетельство потаенного свечения» [13, с. 62], и таким символом (местом) свечения может быть ракета. Ничего не видно глазу, можно только почувствовать свое состояние, находясь в царстве ночи, и

снова здесь возникает образ ракиты — как проводника, напоминающего о вечном, — которая выполняет функции *ритуального маркера* пространства. Ракита в ночи — Мировое Древо в мировой полночи, до которого необходимо добраться культурному герою, чтобы возродиться в новом качестве. Герой один на этом пути, его одиночество носит онтологический характер:

Слышу: где-то едут, близок звук рессорный;
Ничего не вижу, кроме ночи черной.
С кем-то на распутье мы, не без испуга,
Съехавшись, расстались, не видав друг друга.
ерной ночи царство, царство чернозема...
Огонек бы видеть! Быть скорей бы дома! [7, с. 155]

Возникает опасная ситуация «онтологического одиночества неузнанности», когда не осуществляется бахтинский диалог между своим и чужим [9, с. 69], но герой Жемчужникова все-таки стремится обрести свой дом, в отличие, например, от пушкинского в «Зимней

дороге», сюжет которой схож со стихотворением «Темень».

Пушкинская «зимняя дорога» превращается в *путь* для лирического героя:

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь. [11, с. 303]

Однако у Пушкина героя сопровождает идеальная возлюбленная, незримая, но верная подруга. Саннный

путь героя — смертный путь, поскольку герой не находит и покоя даже дома, в домашнем кругу любимых и

знакомых («докучных удаляя, полночь нас не разлучит»), а на этом пути он находит свою Нину, своего рода даймона, посредника между человеком и Богом. Героиня, как отмечают исследователи, достаточно абстрактна, имя Нина помогает создать образ женщины, которой физически нет [15, с. 27]. Пушкинская дорога заканчивается смертью (смокнул ямщик, отуманен лунный лик), а *Темь* Жемчужникова развеивается, поскольку герой его цикла еще не готов к смерти, он надеется на огонек, который позволит выбраться из черной ночи царства.

Выводы. Исследователи справедливо отмечают многообразие дорожных впечатлений в поэзии Жемчужникова: «Иногда это описание видимых глазом картин, иногда это передача ощущений человека, его душевного состояния во время путешествия, часто философские размышления, связанные с дорожными встречами и пейзажами, а иногда это метафорический

образ — дорога жизни, конечный переход от жизни к смерти. В поэзии А. М. Жемчужникова возникают многочисленные пересечения с литературной традицией, с образом дороги в стихах русских классиков» [10, с. 42]. Но стоит подчеркнуть еще раз, что дорога у Жемчужникова превращается онтологически в *путь* — это не просто дорога в деревню, это *путь—дорога* из русских сказок и былин, где герой познает окружающий мир, постигает космос природы и находит свое место в нем. Г. Д. Гачев, описывая русский национальный космос, обращает особое внимание на нашу *равнинность*, на устремленность русского человека вдаль, что выражается в концепте «путь — дорога»: «Путь — дорога от порога в бесконечность по горизонтали равнины — русский образ мира...» [3, с. 27]. Не случайно в последнем стихотворении цикла возникает лексема «путь»:

И когда, разбитый, я ввалился в номер,
Очень был доволен, что еще не помер.
Но желание тут же овладело мною
Тот же путь проехать будущей весной.
Чтоб пожить в деревне, вынести я способен
Даже пытку земских рытвин и колдобин. [7, с. 160]

Так шутивно легко завершает свои «сельские впечатления» Жемчужников, чей герой проделал долгий путь из Москвы в деревню и обратно. Проводником лирического героя, верным спутником его на этом пути является ракета, сиротливая и близкая, понятная и загадочная. Поэт провел свое детство в имении отца в Орловской губернии, граничащей с Воронежской губернией, в ономастиконе которой частотны лексемы «ракета», «ветла», «ива» [12, с. 85]. Но дело, конечно, не столько в биографических фактах, поэта нельзя подводить к присяге на верность действительности,

сколько в поэтической и даже архетипической традиции, в «древесном коде» русской литературы. Ветла с семантикой иномирности встречается впервые у В. А. Жуковского в «Лесном царе», потом с тем же значением — у А. П. Чехова в «Степи» и у И. А. Бунина в «Жизни Арсеньева» [14], но эти замечания требуют обширного культурологического, даже культурфилософского исследования «древесного кода» русской словесности, а нашей целью было наметить *пути-дороги* к этому Мировому Древу, от которого происходят наши песня, музыка и слово.

1. Абрамова, Е. И. Лингвокультурный потенциал дендронима Оак и англо-кельтский символизм дуба // Филология и человек. – 2019. – № 3. – С. 66–81.
2. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракета (род *Salix*) // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. – М.: Индрик, 2014. – С. 283 – 302.
3. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. – 544 с.
4. Горбунова, К. А. Сюжет о сером волке в русских колыбельных песнях [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/5298> (дата обращения: 28.08.2021).
5. Гура, А. В. Медведь // Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – С. 159–177.
6. Есенин, С. А. Ключи Марии // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Наука; Голос, 1997. – Т. 5. – С. 186 – 213.
7. Жемчужников, А. М. Сельские впечатления и картинки // Стихотворения: в 2 т. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – Т. 1. – С. 150–160.
8. Исакова, А. А. Состав, структура и функции лексико-семантической группы «дендронимы» в художественном тексте начала XX века (на материале поэзии Серебряного века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2011. – 23 с.
9. Истомина, О. Б. Диалог в условиях диспозиции «свой — чужой» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 66–70.
10. Капитонова, Н. А. Лирика А. М. Жемчужникова: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. – Мичуринск, 2005. – 229 с.
11. Пушкин, А. С. Собр. Соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 2.
12. Сьянова, Е. И. Растительный мир в ономастической картине мира диалектоносителя (на материале смешанных русских и украинских говоров Воронежской области) // Этноботаника: растения в языке и культуре. – СПб.: Наука, 2010. – С. 78–99.
13. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
14. Dudareva, M. A., Goeva, N. P. White willow in russian literature: Folklore “roots” of image // Journal of Social Studies Education Research. – 2017. – Vol. 8, N 3. – P. 291–299.
15. Nenarokova, M. R. A. S. Pushkin, “The Winter Road”: the Poem’s Reception in the English-Speaking World through the Mirror of Close Reading // Philological Class. – 2019. N 2 (56). – P. 22–30.

**THE WOOD-SPIRIT CODE OF THE POETIC CYCLE
“RURAL IMPRESSIONS AND SKETCHES”
IN A.M. ZHEMCHUZHNIKOV’S RUSSIAN COSMO-PSYCHO-LOGOS**

© 2021 M.A. Dudareva¹, S.M. Morozova²

*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Svetlana M. Morozova, PhD of pedagogical sciences, docent of the Department
of Russian and Foreign Languages*

E-mail: morozovasm@mgri.ru

¹Peoples' friendship University of Russia

²Sergio Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting
Moscow, Russia

The *object* of the article is the wood-spirit code in the Russian verbal culture. The *subject* is the symbolic meaning of a willow, willow in the Russian folklore and literature. The *material* for the article is the poetic heritage of A.M. Zhemchuzhnikov whose 200th jubilee we celebrate this year. The ethos of life and death in the poet's lyrics yields to hermeneutic reconstruction. Special attention is paid to the poetic cycle “Rural impressions and sketches” with its images of a willow or a willow alley – the dendronyms analysed closely as a system. The *methodology* of the research centres on holistic ontohermeneutical analysis aimed at highlighting the apophatic paradigm of the given literary material. Parallels with the Russian folklore, lullabies and children's games are drawn. The *results* lie in identification of the cultural potential of dendronyms, in particular the willow, willow, osier, that have a different-worldly semantics and act as a means of conveying initiatory transmissions in the verbal culture. The work results can also be used in teaching courses on the Russian culture, 19th-century poetry and philosophy.

Keywords: traditional culture, wood-spirit code, song, ontology, A. Zhemchuzhnikov's creative heritage, death, national image of the world, G. Gachev

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-27-32

1. Abramova, E. I. Lingvokul'turnyj potencial dendronima Oak i anglo-kel'tskij simbolizm duba (Linguocultural potential of the dendronym Oak and the Anglo-Celtic symbolism of the oak) // *Filologija i chelovek*. – 2019. – № 3. – S. 66–81.
2. Agapkina, T. A. Simvolika derev'ev v tradicijnoj kul'ture slavjan: iva, verba, rakita (rod Salix) (Symbols of trees in the traditional culture of the Slavs: willow, willow, rakita (genus Salix)) // *Slavjanskij al'manah*. 2014. Vyp. 1–2. – M.: Indrik, 2014. – S. 283 – 302.
3. Gachev, G. D. Mental'nosti narodov mira (Mentality of the peoples of the world). – M.: Algoritm; Jeksmo, 2008. – 544 s.
4. Gorbunova, K. A. Sjužet o serom volke v russkih kolybel'nyh pesnjah (The plot about the gray wolf in Russian lullabies) [Jelektronnyj resurs]. - URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/5298> (data obrashhenija: 28.08.2021).
5. Gura, A. V. Medved' (Bear) // *Simvolika zhivotnyh v slavjanskij narodnoj tradicii*. – M.: Indrik, 1997. – S. 159–177.
6. Esenin, S. A. Ključni Marii (Keys of Mary) // *Sobr. soch.: v 7 t.* – M.: Nauka; Golos, 1997. – T. 5. – S. 186 – 213.
7. Zhemchuzhnikov, A. M. Sel'skie vpečatlenija i kartinki (Rural impressions and sketches) // *Stihotvorenija: v 2 t.* – SPb.: Tipografija M. M. Stasjulevicha, 1910. – T. 1. – S. 150–160.
8. Isakova, A. A. Sostav, struktura i funkcii leksiko-semantičeskoj gruppy «dendronimy» v hudožestvennom tekste nachala XX veka (na materiale poezii Serebrjanogo veka): avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk (Composition, structure and functions of the lexical-semantic group "dendronyms" in the literary text of the early XX century: author. dis. ... Cand. philol. sciences). – Kursk, 2011. – 23 s.
9. Istomina, O. B. Dialog v uslovijah dispozicii «svoj — chuzhoj» (Dialogue in the context of the disposition "friend or foe") // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2010. – № 6. – S. 66–70.
10. Kapitonova, N. A. Lirika A.M. Zhemchuzhnikova: problematika i pojetika: dis. ... kand. filol. nauk. (Lyrics of A. M. Zhemchuzhnikov: Problems and Poetics: dis. ... Cand. philol. sciences). – Michurinsk, 2005. – 229 s.
11. Puškin, A. S. *Sobr. Soch.: v 10 t.* (Collection works.: In 10 volumes) – L.: Nauka, 1977–1979. – T. 2.
12. S'janova, E. I. Rastitel'nyj mir v onomastičeskoj kartine mira dialektonositelja (na materiale smeshannyh russkih i ukrainских govorov Voronežskoj oblasti) (The plant world in the onomastic picture of the world of the dialect carrier (based on mixed Russian and Ukrainian dialects of the Voronezh region)) // *Jetnobotanika: rastenija v jazyke i kul'ture*. – SPb.: Nauka, 2010. – S. 78–99.
13. Hajdegger, M. *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija* (Time and Being: Articles and Speeches). – M.: Respublika, 1993. – 447 s.
14. Dudareva, M. A., Goeva, N. P. White willow in russian literature: Folklore “roots” of image // *Journal of Social Studies Education Research*. – 2017. – Vol. 8, N 3. – P. 291–299.
15. Nenarokova, M. R. A.S. Puškin, “The Winter Road”: the Poem's Reception in the English-Speaking World through the Mirror of Close Reading // *Philological Class*. – 2019. N 2 (56). – P. 22–30.